

Западная политика России 80-х гг. в освещении русской публицистики

I

В международных отношениях Европы франко-прусская война явилась переломным моментом. Она изменила отношения между Россией и Пруссией, между Россией и Францией, не говоря уже о франко-германских отношениях, которые приняли форму острой вражды.

До 1870 г., начиная с первого раздела Польши, Пруссия находилась, по выражению Энгельса, «целое столетие на русской цепи» (1). Основным звеном в этой цепи, связывавшей монархию Гогенцоллернов с монархией Романовых было совместное порабощение Польши.

После франко-прусской войны и национального воссоединения Германии традиционная цепь в русско-прусских отношениях ослабевает. При содействии России Пруссия побеждала в войнах и превратилась в юнкерско-буржуазную Германскую империю. Последняя начала борьбу за политическую гегемонию в Европе, с чем не могла примириться русская политика.

Центральным вопросом европейской политики сделалась борьба между Францией и Германией из-за Эльзас-Лотарингии. В 1888 г. Энгельс писал, что аннексия Германией Эльзас-Лотарингии была «за последние семнадцать лет основным фактом всей европейской политики» (2). Если бы борьба между Францией и Германией из-за Эльзас-Лотарингии окончилась новой победой Германии, тогда вся Европа оказалась бы под сапогом кайзера. Вот почему во время «военной тревоги» 1875 г., когда Бисмарк задумал организовать против Франции, неокрепшей еще после Седана, новую, превентивную войну и с этой целью инспирировал появление соответствующих статей в прессе, чтобы узнать отношение правительств великих держав к предстоявшей войне, то Петербург и Лондон ответили в один голос: новой войны против Франции не допустим. Конечно, английский флот в сухопутной войне не так был опасен, но с мнением России приходилось считаться серьезно. Затея с войной не удалась.

Тогда канцлер империи, не жалея усилий, натравливает Россию на войну с Турцией. Война обессилит Россию, тем самым Германская империя получит свободу действий в борьбе за европейскую гегемонию, «железный канцлер» беспрепятственно сможет чинить свои дипломатические козни. Граф Валуев в «Дневнике» за

1877 г. отмечает, что Бисмарк при всяком случае старался вести разговор с русскими дипломатами о восточных делах, натравливая Россию против Турции. «Разговоры его с нашими послами таковы, что от них не отказался бы ярый славянофил. Они клонились к развитию шовинистических страстей и замечательным образом были рассчитаны на характер государя. Бисмарк говорил о чести России, об упадке духа в армии, о вреде мирного исхода для монархического начала, и все это производило эффект» (3).

Война против Турции завершилась Берлинским конгрессом, на котором «честный маклер» вел себя в отношении русских интересов очень двусмысленно, но зато его стараниями конгресс утвердил притязания Австро-Венгрии на Боснию и Герцеговину. С этого времени Австро-Венгрия превратилась в вассала Германской империи. Чтобы получить поддержку Бисмарка на Балканском полуострове в борьбе против России она должна была следовать во всем указаниям из Берлина. Новое положение Австро-Венгрии было оформлено австро-германским договором 1879 г.

После присоединения к австро-германскому союзу Италии окончательно наметилось два лагеря держав в Европе: германо-австро-итальянский тройственный союз, с одной стороны, Франция и Россия, — с другой. Англия лавировала, ведя политику «блестящего одиночества», а на деле содействуя тройственному союзу. Такое положение существовало фактически, в соотношении реальных сил. Однако прошло еще немало лет после Берлинского конгресса, пока царская Россия решилась на окончательный разрыв с Германией и на заключение формального союза с Францией. Традиционная солидарность династии Романовых с прусской династией Гогенцоллернов, согласие Германии на приобретение Россией «ключей от своего дома», особенная заинтересованность русского помещика в германском рынке в период европейского аграрного кризиса — все это задерживало назревавший разрыв между обеими монархиями. Но он должен был совершиться, потому что нарастали противоречия, которых не могли преодолеть никакие традиции.

II

Как же русская публицистика реагировала на наметившиеся изменения русско-германских отношений? Уже в июне 1878 г., как только стали известны результаты Берлинского конгресса, И. Аксаков, один из последних славянофилов, яркий выразитель идеологии националистических кругов помещиков и некоторой части буржуазии (не даром он состоял председателем Московского купеческого общества взаимного кредита и получал огромное содержание) выступил с резкой критикой уступчивой политики Александра II в балканском вопросе. В произнесенной речи на собрании Московского славянского благотворительного общества он говорил с достоинством обиженного победителя:

«Ты ли это, Русь — победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную. Ты ли на скамье подсудимых, как преступница, каешься в святых подъятых тобой трудах, молишь простить тебе твои победы?...

Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией похваливая твою политическую мудрость, западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, и ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности наклоняешь под нею свою многострадальную голову!.. Кто же виноват в этом позоре? Кривда Запада по отношению к России—это историческая аксиома, которую не ведают русские дипломаты да петербургские руководящие сферы. Русский народ никогда не забудет «услуг», оказанных ему русской дипломатией» (4).

В феврале 1882 г. в таком же духе, но уже с практическими предложениями выступал русский генерал Скобелев в Париже перед посетившими его сербскими студентами. Он в патетическом тоне изображает Россию, как страну, в которой управляют иностранцы, конкретнее, немцы.

«У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы — жертвы его интриг, рабы его могущества... Освободиться от него... мы сможем... не иначе, как с оружием в руках!

Если вы хотите, чтобы я назвал вам этого чужака... я назову вам его.

Это—автор «натиска на Восток», он всем вам знаком—это Германия. Повторяю вам и прошу не забыть этого: враг—это Германия.

«... могу вас заверить, что если будут задеты государства, признанные европейскими договорами, будь то Сербия или Черногория... одним словом, вы... вы не будете биться в одиночку».

А Поль Фреснэ в газете «Le Voltaire» передает свою беседу со Скобелевым, в которой последний заявил: «спасение в союзе славян, заметьте, я говорю: славян с французами. Я особенно верю в то, что, наконец, поймут истину, — что между французами и славянами должен быть заключен союз. Для нас — это средство восстановить нашу независимость. Для вас же — это средство занять то положение, которое вами утрачено». И граф Капнист писал из Парижа на имя Гирса, управляющего делами министерства иностранных дел, что «инцидент этот был встречен во Франции с чувством полнейшего удовольствия» (5). Причем тут же добавляет, что такое настроение французского общества объясняется не стремлением к реваншу, а желанием видеть ухудшение отношений между Петербургом и Берлином — это ослабит гегемонию Германии над Францией.

Но в России того времени скобелевские настроения не имели какой-либо серьезной поддержки. Не были руководящими и идеи Горчакова, писавшего в феврале 1879 г. Новикову в Вену, что Центр Европы стремится изолировать две еге окраины, разъединяя Францию и Россию». «Австрия поддерживает Германию в Европе, Германия — Австрию на Востоке». Союз России с Францией невозможен — она «самоуничтожается демократической анархией». «Англия уединяется в своем сверхкорыстьи». Что же остается делать в этой обстановке? Ответ простой: «закончить ликвидацию прошлого и впредь искать опоры лишь в самих себе» (6).

Правители России 80-х гг. все-таки продолжали искать опору не только в самих себе, но и в Германии. После соглашения трех императоров был заключен союз трех императоров (1881—1887 гг.), наконец, договор о перестраховке, кончивший свое существование в 1890 г. не по инициативе русских.

В этом стремлении русского самодержавия к дружбе с Германией в конце 70-х и начале 80-х гг. повинны не только династические интересы двух монархий, не только родство дворянских душ правителей обоих государств, не только заинтересованность русского помещика в германском рынке и совместное порабощение Польши, но и опасность английского владычества в Константинополе. Дизраэли привез из Берлинского конгресса в своем портфеле право Англии на турецкий остров Кипр. Почем знать, что в один прекрасный день и проливы турецкие не окажутся в руках Англии? Допустить этого Россия не могла. Несмотря на борьбу с Австрией на Балканском полуострове, Россия вынуждена была идти с ней на «дружбу», чтобы иметь поддержку Германии. Да и бисмарковская Германия была заинтересована в самой тесной дружбе с самодержавной Россией. Только такая дружба, только сохранение силы русского царизма гарантировало господство юнкерства в Пруссии и Пруссии над Германией. Бисмарк в своей антирусской политике не мог слишком далеко зайти: он стремился ослабить Россию, но и не допустить падения царского самодержавия. В последнем случае славянские притязания в Австро-Венгрии усилились бы, балканские славяне потянулись бы к демократической России, усилилось бы демократическое движение в самой Германии и для монархии Гогенцоллернов создалось бы опасное положение. Ослабить русское самодержавие посредством войны с Турцией, не допуская разгрома его, создавать России кое-какую видимость успехов на Балканском полуострове, чтобы отвлечь внимание от Европы — вот рамки, в которых вращалась русская политика Бисмарка.

III

За Берлинским конгрессом последовал переход Германии к системе протекционизма в 1879 г. Еще до принятия рейхстагом нового тарифа Бисмарк воспользовался появлением чумы в Архангельской губернии, чтобы запретить ввоз некоторых видов русского сырья. Уже тогда Катков, представитель русских помещичье-дворянских интересов, умевший прекрасно комбинировать их с интересами крупнейших заводчиков и фабрикантов, этот «священный руководитель общественного мнения» официальной России (7), глава «национальной» партии и редактор «Московских ведомостей» писал: «Германский канцлер в своих карантинных заботах, конечно, руководится мыслью, которая ничего общего с опасениями чумы не имеет. Но он может ошибиться в расчете. Стеснения взаимного оборота между Россией и Германией падают тяжелее на Германию, чем на Россию... А между тем образ действий нашего «добраго союзника» будет отмечен в русской памятной книжке» (8). Но автор не делает еще никаких предложений, чтобы сменить курс внешней политики.

Затем в феврале того же года выступил против канцлера петербургский либеральный «Голос», осуждавший протекционистскую таможенную политику германского канцлера. Он требовал от русского правительства сближения с Францией (9).

А когда в октябре 1879 г. между Германией и Австрией был заключен тайный союзный договор, о котором публицисты только догадывались, то петербургский «Вестник Европы», орган помещичье-буржуазного либерализма, писал в спокойном тоне:

«...Германо-австрийский союз не создает России в настоящий момент никакого нового затруднения... Другое дело — в будущем». На все русско-германские «недоразумения» он смотрит как на «дело преходящее». «Но если бы и в будущем Германия не захотела войти ни в какие сделки с Россией, иначе как по какой-либо слишком дорогой цене, то ведь Россия может обеспечить себя и «иными союзами» (10).

И как бы испугавшись своей собственной смелости, он больше не будет делать ни прямых заявлений, ни намеков на «иные союзы». Он все время будет выступать против идеи франко-русского союза.

«Идея франко-русского союза есть пустая мечта, живущая только в воображении немецких политиков. В Берлине полагают, что единственное серьезное препятствие к сближению России с Францией заключается в республиканской конституции этой страны, и что водворение монархии у французов тотчас создало бы почву для опасных «альянсов». Это предположение было бы правдоподобно, если бы вообще существовали поводы к союзу между двумя столь отдаленными друг от друга народами, как Франция и Россия... Не было бы ничего нелепее и противостественнее такой комбинации, которая, впрочем, была бы вероятно весьма желательна для французских шовинистов». Иностранная же политика Германии характеризуется мирным стремлением «сохранить плоды прошлого и обеспечить добытое от всяких случайностей» (11).

Вообще в вопросе русско-германских отношений «Вестник Европы» в первой половине 80-х гг. занимает колеблющуюся позицию. То он угрожает Германии заключением «иных союзов», если канцлер будет предъявлять к русской дружбе чрезмерные требования, то с радостью заявляет, «что в настоящее время Россия уже ничем не связана по отношению к Германии» и «не будет более тратить свои силы и средства на облегчение задач немецкой завоевательной политики», то с удовольствием отмечает, что дружба Германии с Россией «закрепляется назначением кн. Орлова посланником при Берлинском дворе». Его позиция сводится к тому, что дружба России с Германией нужна, но «без прежних односторонних обязательств и на условии полной взаимности услуг» (12).

Более левый орган русского либерализма «Русская мысль», нередко дававший место статьям народников и даже Плеханова, указывал, что хотя Германия и не имеет прямой заинтересованности в Балканском полуострове, но она стремится «создать сильную Восточную империю» (т.е. Австрию) в противовес России, поэтому она «не может быть с нами» (13). Возможные союзники России — Италия и Франция. Но

Италия «самая слабая из великих держав». К тому же «при новых переменах на Балканском полуострове наши интересы могут столкнуться с ее интересами». Отношения с Францией тоже оставляют желать много лучшего, хотя она и есть «естественный союзник» России. Россия должна все-таки стремиться к заключению соглашения с «естественным союзником», а «искусственные союзы» (имеется ввиду союз с Германией) не нужны, необходимо пока «действовать самостоятельно» (14).

Последователи защищают необходимость дружбы России с Германией консервативные «Московские ведомости», не взирая на пердразги с германским канцлером. Россия и Германия, «как доказывает история, нуждаются во взаимном доброжелательстве, дружбе и союзе» (15). Катков прямо обвиняет русскую дипломатию, что она защищала Ватикан от «культуркампа», защищала политическое равновесие Европы, защищала много других ненужных вещей, но только не национальные интересы России. «Не хотели знаться с Бисмарком, а только с его помощью и могли бы получить Константинополь» (15).

Когда в 1885 г. в Берлине праздновали 70-летний юбилей кн. Бисмарка, Катков пел ему в патетическом тоне дифирамбы, перечисляя добродетели канцлера и, конечно, прежде всего его верность монархическому принципу. И тут же отмечает контраст — французскую палату депутатов, где «среди урагана диких криков, свистов, насмешек и площадных ругательств стоял на трибуне бледный, с поникшею головой министр-президент Ж. Ферри...» (16).

Ориентация «национальной» и значительной части либеральной партии на дружбу с Германией в первой половине 80-х гг. объясняется, наряду с другими моментами, натянутыми отношениями России с Англией в этот период. Именно после Берлинского конгресса Россия ведет активную среднеазиатскую политику, направленную против Англии. В июне 1878 г. командующий войсками Туркестанского военного округа послал три экспедиционных отряда в юго-восточном направлении. «Московские ведомости» поясняли, что предстоит великий поход «не для устрашения близкого среднеазиатского соседа», но «действия против неприятеля... не в азиатских ордах» (17). В это же время строится Закаспийская железная дорога в стратегических целях. Таким образом, движение в Среднюю Азию означало продолжение борьбы за Дарданеллы, борьбы против Англии, только иными путями. Конечно, были и другие мотивы, и особенно то, что после русско-турецкой войны царизму приходилось искать сильно действующих средств для поднятия своего престижа. Преследовались и экономические цели господствующими классами, особенно позже. Но в плане данной работы важно отметить именно ту сторону среднеазиатской агрессии царизма, которая связана с международными отношениями в Европе. Ясно, что в борьбе за проливы нужны были союзники. Франция, еще слабая в военном отношении, раздираемая «анархией парламентаризма», снималась со счетов. Да и французская дипломатия не изъявляла желаний поддерживать русское движение на Константинополь. Оставалось продолжать дружбу с Германией, которая, по крайней мере, не препятствовала царю брать «ключи», зная, что он их все равно не возьмет из-за сопротивления англичан.

А что главной целью всей балканской политики царизма было создание подступов для захвата проливов, в этом нет никаких сомнений. Александр III в записке генерал-адмиралу Обручеву писал в сентябре 1885 г. по поводу балканских дел: «у нас должна быть одна и главная цель: это — занятие Константинополя». Относительно славянских народов Балканского полуострова в той же записке царь отзывался: «довольно популяризовать в ущерб истинным интересам России. Славяне теперь должны сослужить службу России, а не мы им». Хотя для захвата проливов «время еще не наступило», но оно наступит и надо к этому моменту «приготавливать все средства» (18). Захват проливов дал бы широкий размах русской торговле, он создал бы неуязвимость русских границ на юге, гегемонию России на Балканском полуострове и в Малой Азии, поднялась бы политическая роль царизма в Европе, укрепилось бы самодержавие внутри страны. Вот почему эту политическую идею проповедывали как идеологи крепостного самодержавия, так и идеологи буржуазии, начиная от славянофилов и Каткова и кончая либеральными народниками. Каждый собственнический класс надеялся получить от этого предприятия свою долю выгод.

IV

В 1885 г. среднеазиатское продвижение русской армии натолкнулось на сопротивление англичан. Англия забрала оружием, парламент отпустил военные субсидии. В России стали ожидать войны.

В брошюре С. Южакова, появившейся в том же году, анализируются причины конфликта. 1) Англия теряет некоторые восточные рынки с завоеванием их Россией, 2) Англия теряет свою неуязвимость вследствие сближения ее владений с русскими в Азии, 3) Англия опасается за свое господство (!) на море и за морские пути на Восток (Босфор, Дарданеллы, Суэцкий канал).

А чего же хочет Россия в этом конфликте?

Она ничего не хочет в Средней Азии, — отвечает либеральный народник. Она просто защищает свои границы от азиатских кочевников, а защита не может быть без наступления. Может быть торговые есть интересы? Нет. Русский купец появляется в Азии после казака только через три столетия!!! О помещике совсем и не упоминает.

И все-таки война с Англией неизбежна, потому что Россия будет завоевывать Среднюю Азию, будет поселять в пограничных местах крестьян-казаков. Англо-русская борьба является «борьбой между лендлордом и капиталистом, с одной стороны, и русским мужиком — с другой». Так изображал дело мелкобуржуазный интеллигент. Особенно автор чувствует себя на высоте положения в ближне-восточном вопросе. Ведь «Россия не может ради Англии отказаться от «покровительства близким исторически и национально племенам, населяющим Европейскую Турцию» (19). Причем, политический хроникер «Северного вестника» понимал это покровительство «близким исторически и национально племенам» как присоединение их к России (20).

Во второй половине 80-х гг. тот же самый Южаков, с таким озлоблением ополчавшийся от имени «мужика» против английского «лорда и капиталиста», заполнял «Политическую летопись» «Северного вестника» мыслями о необходимости союза не только с Францией, но даже с

Англией, чтобы противодействовать стремлениям Германии на Балканах. По всем внешнеполитическим конфликтам либеральный народник проявлял воинственный национализм.

Националистическая позиция Южакова была закономерным явлением в арсенале народнической идеологии. Колонизация окраин и приобретение новых колоний задерживали развитие капитализма в глубь, ибо он рос вширь. Тем самым спасался мелкий собственник, спасался «мужик». Правда, это противоречило народнической экономической теории, доказывавшей, что развитие капитализма в России невозможно по двум причинам: во-первых, разорение мелкого производителя сокращает рынок для капитализма внутри страны, во-вторых, внешний рынок для России, поздно вступившей на путь капиталистического развития, недоступен. Сверхстоимость некуда реализовать, следовательно, капитализм невозможен. Но для народничества как раз и характерно полное несоответствие между теоретическими рассуждениями и практическими делами. Либерально-народнический политик смотрел на вещи проще, чем его собратья теоретики: приобретение новых колоний дает возможность поселять в них крестьян, значит, «мужик» спасается от разорения. Либерального народника не тревожило то, «что такое замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем». (Ленин) (21). Для него важен был результат непосредственный, т. е. ослабление остроты противоречий между развивающимся капитализмом и старыми формами сельского быта. «Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расширению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение». (Ленин) (21).

Таким образом либеральное народничество содействовало консервации пережитков средневековья в стране, укреплению помещичьей монархии. Его общественная роль мало чем отличалась от роли помещичье-консервативной партии Каткова. А в области внешней политики взгляды обоих направлений почти совпадали. Ура-патриотизм либерального народничества отличался от дворянско-помещичьего патриотизма «Московских ведомостей» лишь своей непоследовательностью.

V

Среднеазиатский кризис 1885 г. прошел. Англия и Россия договорились — была установлена русско-афганская граница. А в Болгарии дела русского царизма все ухудшались. Еще в 1883 г. была восстановлена Тырновская конституция и провозглашен лозунг: «Болгария для болгар». Князь Александр Баттенбергский изменил России и уступил «национальному» мнению страны.

В сентябре 1885 г. произошел Филиппопольский переворот при содействии английского посланника в Константинополе Вильяма

Уайта. Восточная Румелия была присоединена к Болгарии. Снова столкновение с Англией. Русские офицеры были отозваны из Болгарии, разрыв полный. Оставалась единственная надежда на помощь Бисмарка. Александр III совместно с Австрией и Германией потребовал созыва Константинопольской конференции. На конференции германская дипломатия вела очень осторожную политику в балканских делах, не желая из-за русских интересов портить отношения с Англией. Никаких положительных результатов конференция не дала. Царь не жалел денег на подкупы болгарских политических деятелей, на организацию путчей и террористических актов,—но положение все ухудшалось. В августе 1886 г. князь Баттенбергский был свергнут с престола путем дворцового переворота, организованного на царские деньги. А в следующем году болгарская буржуазия посадила на вакантный престол Фердинанда Кобургского, австрийского ставленника. Россия окончательно Болгарию потеряла. Иначе и быть не могло. Аграрная Болгария была связана своими хозяйственными интересами с Западом, в первую очередь, с Австрией. Россия не могла экономически подчинить Болгарию. Она могла превратить ее в Задунайскую губернию только открытой военной силой, что и рекомендовала газета Каткова, требуя разрешения кризиса «в форме оккупации Болгарии» (22). Но этому препятствовали другие державы.

Бессилие царизма в болгарском вопросе и явное нежелание Германии оказать свое содействие русским интересам вносит новый момент в русско-германские отношения. Русская пресса требует разрыва союза с Германией. В июне 1886 г. Катков писал: «Князь Бисмарк, посредством концерта, успел уладить одно за другим интересовавшие его дела, а нас между тем благополучно вытеснил с Балканского полуострова. Россию можно было пугать то столкновением с Англией, то европейскою коалицией, в случае если русская политика позволяла себе действовать вне концерта, т. е. не по берлинской команде...» «нашим дружбы обязывают даже в нашем народном хозяйстве согласоваться с надобностями не своими, а чужой страны». Почему же Россия остается в союзе с Германией? Автор отвечает: во имя «отвлеченного принципа», принципа монархии. Он призывает руководиться в политике не «пустою абстракцией», а «началами, действительно живущими в нашем народе».

И прежняя политика, руководствовавшаяся «пустыми абстракциями», «есть одна из величайших ошибок, какими мы грешили в прошлое время».

«Тот только и может быть нам истинным союзником, кого ход событий сблизит с живыми и существенными интересами нашего отечества, будет ли то президент Соединенных Штатов или Богдыхан Китайский» (23).

Казалось бы, что из такой постановки вопроса логически вытекает ориентация на союз с Францией. Но этого Катков еще не предлагает. Он продолжает:

«Мы уверены, что в наших словах захотят видеть намек на франко-русский союз, но мы решительно протестуем против такого толкования».

«Ничего не затевая, мы не нуждаемся в союзниках» (23).

Он ратует за «дружеские отношения» с Германией, но без формального договора; он советует не отказываться от французской дружбы, но и не заключать союза. Иметь свободу действий, пользоваться францужско-германским антагонизмом для достижения своих целей.

Однако после 1886 г. все чаще и чаще делаются то намеки на союз с Францией, то прямые заявления. В 1887 г. Бисмарк через рейхстаг провел закон о 2-м септеннате и на 66% повысил пошлину на зерно¹, стал сгонять с германского рынка русские процентные бумаги. Чтобы запугать недостаточно покорного соседа, в феврале 1888 г. был опубликован тайный австро-германский союзный договор от 1879 г. Русская пресса снова припомнила Бисмарку и русскую помощь во время франко-прусской войны, и его замысел организовать превентивную войну против Франции в 1875 г., его провокационную политику в подготовке русско-турецкой войны 1877 г., его поведение на Берлинском конгрессе, австро-германский договор против России и много чего другого.

Катков восхваляет повышение русским правительством тарифов на чугун, железо и сталь, как меру против «иностранный (читай: германской) конкуренции» (24).

Когда в июле 1888 г. Вильгельм приехал в Петербург на свидание с царем и публицисты думали, что речь идет о заключении союза (о существовании «договора перестраховки» знал ограниченный круг лиц), то «Московские ведомости» выставили три условия:

1) Разрыв Германии с Австро-Венгрией. 2) Удаление из Болгарии принца Фердинанда. 3) Дружественная России экономическая политика (25).

Публицист И. Батис в статье под заголовком «Сложная игра германского канцлера», указав на разные варианты поведения России, которые могут удовлетворить канцлера, заявляет: «Но есть еще один выход... союз с Францией, чтобы раздавить общими силами Германию и освободиться таким образом из намеченного канцлером безвыходного положения» (26).

С другой стороны «Московские ведомости» помещают все чаще корреспонденции из Парижа, в которых высказываются мысли о польности создать франко-русский союз.

Корреспондент Эббар пишет от 15 (3) января 1888 г., что на приеме в министерстве иностранных дел имел продолжительную беседу с одним французским дипломатом. Последний заявил, что на случай русско-австрийской войны, если бы Германия выступила на помощь Австрии, то Франция двинет свои войска против Германии. Разгром России означал бы поставить вопрос «о независимости и даже о национальном существовании Франции». Поэтому странно, что «существующие между обеими сторонами добрые отношения еще не приняли до сих пор более осязательной формы». «Всякий раз как... положение требовало действительного соглашения, в Санкт-Петербурге обнаруживали колебание, нерешительность» (27).

¹ В начале 1885 г. пошлина была повышена до 30 марок с тонны зерна, а в 1887 г. она составляла 50 марок с тонны.

В № 49 «Московских ведомостей» перепечатана статья Делькассе из газ. «Paris», в которой он объявляет ложной мысль, что будто бы невозможно «соглашение между автократическою Россией и республиканскою Францией». А в перепечатанной статье французского публициста Люсьена Мильвуа из парижской газеты «Presse» говорится, что «Французские капиталисты начинают все более убеждаться в неограниченных ресурсах России... В самые критические времена своей истории... Россия точно уплачивала все, что была должна, не прибегая к финансовым уловкам... Все что увеличивает силу России, в то же время увеличивает гарантии Франции» (28).

Факты подтверждают то, что французские капиталисты действительно имели финансовое доверие к России и нуждались в русском рынке для помещения своих капиталов. В декабре 1888 г. русским правительством был выпущен 4-% заем в 500 млн. франков и с большим успехом реализован на Парижской бирже. В 1889 г. было выпущено еще два займа, один на 700 млн. франков, а другой на 1200 млн. франков и оба реализованы с таким же успехом. Затем последовала закупка во Франции винтовок типа Лебеля в количестве 500 тыс. штук. Царская Россия закабалялась французскими капиталистами, становясь на путь постепенного превращения в резерв западно-европейского империализма.

VI

Особенно большие надежды возлагали «Московские ведомости» на буланжистское движение. Буланже «сделает Францию сильной (понимай: монархической) державой» (29).

Но вдруг, настроение меняется. Когда русские миссионеры во главе с «вольным казаком» Ашиновым и безграмотным иеромонахом Паишем, который в пожарном порядке был возведен в этот сан по распоряжению Победоносцева, задумали построить храм в Абиссинии (конечно не для того, чтобы богу молиться, а чтобы по пути на Дальний Восток иметь угольную станцию на побережье Красного моря), то французские солдаты расстреляли этих миссионеров на территории Сагалло в феврале 1889 г. Французская лига патриотов во главе с Деруледом, опора буланжизма, пытавшаяся протестовать против действий своего правительства, была посажена на скамью подсудимых.¹ Передовая «Московских ведомостей» восклицала: «неужели можно заключить союз с государством... в котором... нет никакого авторитетного хозяина» (30). Горячие патриоты и не подозревали, что первоначальным автором идеи абиссинской авантюры Ашинова был мастер провокаций Бисмарк².

¹ Французские власти так смело действовали уже после того, когда на извинения французского посла в Петербурге Лабуле по поводу пролития русской крови Александр III ответил: «Туда им и дорога».

² Когда в 1885 г. Турция обратилась к России с просьбой протестовать против занятия итальянцами Массуа, и Россия для поддержки Турции пожелала заручиться содействием Берлина, то Бисмарк русскому поверенному в делах графу Муравьеву под большим секретом сказал, что в случае нарушения Италией трактата 1857 г., «Россия могла бы, может быть, этим воспользоваться и занять, если бы Массуа уже не была свободной, какой-либо другой пункт на Красном море близ Абиссинии. (В. Н. Ламздорф, Дневник (1886 — 1890 г.), 1926 г. стр. 132).

Они также не замечали и того, что буланжистское движение во Франции в значительной степени провоцировалось германским канцлером в целях укрепления германской гегемонии в Европе и кикерской реакции внутри страны. Известный инцидент со Шнебеле, реакционно-шовинистическая политика в аннексированной Эльзас-Лотарингии, газетная клевета на «вырождающуюся» французскую нацию и т. д. — все это разжигало шовинистические страсти французских мещан, клерикалов и финансистов¹.

Но это было временное настроение русских консерваторов. Интересы выше чувств. И уже в мае того же года (1889 г.) передовая «Московских ведомостей» заявляла, что происшедшие события вызвали в России «чувства грусти», но ни эти события, ни другие обстоятельства не могут повлиять «на существенный вопрос об отношении России к Франции» (31).

Это новое отношение России к Франции констатировал С. Татищев еще в октябре 1887 г. Он писал, что между русским и французским правительствами существует уже соглашение де-факто. А «сегодняшнее соглашение не есть ли завтрашний союз? Хотите ли знать, когда состоится этот союз? Он состоится в тот день, когда пробьет час общей опасности, путем неудержимого стремления двух народов и найдет в обоих правительствах равное усердие к запечатлению формальным договором солидарности их действий. Он состоится, какая бы партия ни находилась тогда у власти во Франции, ибо в вопросе столь великой важности интерес партии исчезает, исчезает пред высшим интересом национальной безопасности» (32).

VII

К концу 80-х гг. позиция русских консерваторов твердо определилась: за окончательный разрыв традиционной дружбы с Пруссией — Германией, за союз с Францией.

На тех же позициях стояла народническая публицистика и часть либеральной в вопросах внешней политики.

Лев либеральный орган «Русская мысль», в отличие от большинства других органов, еще в начале 80-х гг. требовал образования франко-русского союза, а к концу десятилетия эта идея повторяется все чаще. «Каковы бы ни были колебания в международной политике гогенцоллернской империи, для России и для всего славянского мира существенно историческою потребностью остается, конечно, тесное сближение нашего отечества с Францией» — писал в 1890 г. Гольцев, заполнявший своим пером страницы иностранного обозрения «Русской мысли» (33). Другая часть либералов продолжала попрежнему отрицательно относиться к франко-русскому союзу. Даже в 1892 г., когда факт совер-

¹ Энгельс в письме к Зорге от 8 августа 1887 г. писал: «В Париже наши прекрасно выступают против шовинистов и русофилов, и без них «Justice» не посмела бы напасть на культ Каткова. Это важно именно теперь, так как Бисмарк ставит на карту все, чтобы втравить французов в войну до того еще, как старик Вильгельм протянет ноги». (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XXVII, стр. 657—658).

См. по данному вопросу: Ф. Нотович, Образец троцкистского вредительства в области изучения истории международных отношений. («Историк-марксист», кн. 2, 1937 г.)

шился, «Вестник Европы» заявлял, что России «не нужно было формального сближения с Францией» (34). Чем объяснить два разных направления среди русских либералов в вопросе внешней политики? Прежде всего, неодинаковой заинтересованностью русской буржуазии во внешних рынках. «Печалования о рынках появились в русской литературе только тогда, когда капиталистическое производство наше в известных своих отраслях (например, хлопчатобумажная промышленность) достигло полного развития, охватило почти весь внутренний рынок...», — писал Ленин в 1893 г. (35). Ясно, что такого рода торгово-промышленная буржуазия, заинтересованная во внешних рынках, требовала заключения франко-русского союза как средства борьбы против германо-австрийского капитализма на Балканах. Ее идеологию и отражала «Русская Мысль».

Однако, был и другой род буржуазии, не заинтересованный пока что во внешних рынках. Проникновение капитализма в сельское хозяйство в пореформенные годы создало широкий рынок сбыта внутри страны. Например, земские склады сельхозмашин были пусты, предложение не поспевало за спросом. Такой промышленник нуждался не столько в рынке, сколько в деньгах для развития промышленности. Зная, что союз, заключенный царем — это шаг к войне (а война, подобная Крымской или русско-турецкой 70-х гг. денег дать не могла), такого рода буржуазия выступала против всяких союзов, сосредоточивая всю энергию на борьбе за буржуазно-либеральные реформы внутри страны. Она одобряла разрыв договорных отношений с Германией, но и не желала союза с Францией.

Кроме того, необходимо учесть и другое обстоятельство. «Вестник Европы» был органом не просто буржуазного, а **помещичье-буржуазного** либерализма. Обуржуазившийся дворянин, строивший свое хозяйство на капиталистических началах, продолжал быть заинтересованным в германском хлебном рынке, несмотря на высокие пошлины. Он так же был заинтересован в получении германских промышленных товаров. С точки зрения либерального помещика невыгодно было заключать формальный союз с Францией, потому что это слишком обострило бы и без того ненормальные отношения с Германией.

Царь внимательнейшим образом прислушивался к голосу прессы, но не либеральной. Мнение Каткова (дворянства) являлось для него законом. Ламздорф в «Дневнике» за январь 1887 г. писал, что Александр III, говоря о национальных антипатиях к Германии, сказал Гирсу: «Прежде я думал, что это только Катков, но я убедился, что это вся Россия». И добавил: «если... потеряется доверие нашего общественного мнения во внешнюю политику, тогда все пропало» (36). Так царь дорожил общественным мнением дворянства, называя его мнением «всей России». Требовались успехи во внешней политике, но их трудно было достигнуть. Когда военный министр генерал Ванновский предложил царю напасть на Австрию, соперницу в балканских делах, «которую мы бы славно раскатали», то Александр ответил очень здраво: «Да, но немцы нас в Вену не пустят» (37).

Германия интересуется Балканским полуостровом в рассматриваемый период не только с точки зрения сохранения Австро-Венгрии,

как противовеса России. Германская буржуазия заинтересована непосредственно в турецких рынках и юнкер Бисмарк не мог не учитывать ее интересов в своей политике. С 1882 г. Турция реорганизует свою армию с помощью германских офицеров (военная миссия генерала фон-дер-Гольца), направленную против России. В виде компенсации за указанную услугу турецкое правительство направило свои заказы на перевооружение армии только немецким фирмам. Ав 1890 г. Германией была получена в Турции первая железнодорожная концессия. При Вильгельме II и канцлере Каприви новый курс германской политики окончательно определился. Перестраховочный договор с Россией Германия отказалась возобновить после ухода Бисмарка и стала открыто искать поддержки у Англии в своих колониальных притязаниях. Россия и Франция оказались под угрозой тройственного союза значительно больше, чем раньше. Франко-русский союз стал неизбежным. Товарищ Сталин на XIV съезде ВКП(б) говорил об этом: в «период, когда все говорили о мире, а фальшивые певцы воспевали мирные намерения Бисмарка, Германия и Австрия заключили соглашение, совершенно мирное и совершенно пацифистское соглашение, которое послужило потом одной из основ будущей империалистической войны. Я говорю о соглашении между Австрией и Германией в 1879 г. Против кого было направлено это соглашение? Против России и Франции.

«...Это соглашение трактовалось «союзом мира», а между тем все историки сходятся на том, что это соглашение послужило прямой подготовкой к империалистической войне 1914 года. Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле о войне в Европе, послужило другое соглашение, соглашение России и Франции в 1891—1893 гг.» (38).

Министр иностранных дел Гирс и его советник Ламздорф всеми силами старались не допустить соглашения России с Францией, сохранить прежние договорные отношения с Германией, хотя бы в форме расписки канцлера, которая бы свидетельствовала о мирных настроениях Германии (39). Чиновные бюрократы боялись заменить союз «с монархами, олицетворяющими порядок и устойчивость», союзом «с гг. Флокэ и Клемансо» (40), боялись за судьбу самодержавия, ибо с самодержавием была связана их личная судьба.¹

Но внешней политикой руководил не министр, а царь. В июне 1890 г. Александр III твердо констатировал факт: «Нет сомнения, перемена в политике Германии произошла, и нам надо быть готовыми ко всяким случайностям» (41). А в июле следующего года Кронштадт посетила французская эскадра и царь стоя, с непокрытой головой слушал национальный гимн республиканской Франции — марсельезу.

Роль балканского вопроса в отношениях между Россией и Германией не понял М. Покровский, который в своих работах, проводя вульгарно-экономическую точку зрения, пытался все вопросы русско-

¹ Для иллюстрации этих шкурнических настроений царских чиновников может служить следующая запись Ламздорфа в его «Дневнике». «Меня очень озабочивает мысль об отставке моего министра. Это было бы такое большое несчастье для России и полная перемена в моей личной судьбе». В другом месте: «Мы говорили с министром об ужасающей катастрофе, которая разразилась бы в России в случае войны. Где искать безопасности, где уберечь какие-либо крохи для семьи?» (В. Н. Ламздорф. «Дневник» (1886—1890 г.), стр. 37, 49).

германских отношений 80-х гг. объяснить только хлебными ценами и таможенными пошлинами. «Болгарский конфликт заострил русско-германские отношения почти до войны» только лишь «внешним образом». А действительной причиной, оказывается, было то, что «с развитием русского промышленного капитализма последний начинал... чувствовать в германском соседе конкурента... Еще непосредственнее было столкновение в области внешней торговли» (42). Вот и все объяснение, тогда как для правящих кругов России именно балканский вопрос в 80-х гг. был тем вопросом, из-за которого стоило сохранять дружбу с Германией, если бы она оказала содействие России в продвижении к Константинополю. Насквозь прогнившему самодержавию нужны были внешнеполитические успехи, в первую очередь на Балканском полуострове, которые бы поддержали престиж монархии и одновременно удовлетворили материальные интересы эксплуататорских классов. Таможенная борьба безусловно сыграла значительную роль в обострении русско-германских отношений, однако это была не только не единственная причина, но и не самая главная из ряда других причин. Общеполитическая обстановка в Европе, создававшаяся в результате борьбы Германской империи за гегемонию над Европой, и те препятствия, которые создавала Германия русскому продвижению на Балканский полуостров, были основными причинами, обусловившими изменение русско-германских отношений.

VIII

В заключение остановимся на социал-демократической позиции Плеханова по вопросу международных отношений, которую он наиболее четко изложил для этого периода на Цюрихском конгрессе II Интернационала в 1893 г., а потом в статье в редакцию «*L'Ere nouvelle*». Плеханов изображал дело таким образом, что единственной угрозой европейскому миру является русский царизм. Переоценивая силу социалистического движения на Западе, он заявлял, что со стороны германского или французского капитализма война невозможна, если социалисты этих стран выполняют свой долг. Больше того: «Если бы немецкая армия перешла наши границы, она пришла бы как освободительница, как пришли французы национального конвента сто лет тому назад в Германию, чтобы, победив князей, принести свободу народу» (43).

Это кайзеровская Германия должна была «принести свободу» русскому народу. То самое государство, о котором говорил Маркс, что оно «представляет собою не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками... бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм...» (44).

Когда Маркс и Энгельс во время германской революции 1848 г. призывали немецкую демократию к войне против русского царизма, то они имели в виду углубление революции в самой Германии. Внешняя война против реакционного правительства возбудила бы революционную энергию масс, дворянские монархии в Германии были бы уничтожены. Не просто война полуфеодалных германских монархий против царизма, а война революционная, в процессе которой Германия дол-

жна была преобразоваться в единую демократическую республику. И в 90-х гг. Энгельс таким же образом мыслил войну против царизма. Вильгельмовскую Германию он, конечно, не призывал к войне против царя, как демократию 1848 г. Однако, допуская возможность нападения не только Германии со своими союзниками на Францию или Россию, но и России в союзе с Францией на Германию, Энгельс писал: «Война, в ходе которой русские и французы вторглись бы в Германию, была бы для Германии борьбой не на жизнь, а на смерть, борьбой, в которой она могла бы обеспечить свое национальное существование лишь применяя самые крайние революционные мероприятия. Нынешнее правительство, если только оно не будет к этому вынуждено, конечно не развяжет силы революции. Но в Германии есть мощная партия, которая может его принудить к этому или в крайнем случае занять его место: социал-демократическая партия» (45).

Такого диалектического понимания войны, когда одновременно с войной против внешнего врага совершается революция внутри страны, нет у Плеханова. У него кайзер «освободит» русский народ.

Из этого ложного понимания «освободительной» миссии кайзеровской Германии логически вытекало отношение Плеханова к франко-русскому союзу. «Тройственный союз не является более позорным, чем двойственный союз между Россией и Францией» (46).

Конечно, не нам защищать франко-русский союз, который, как и тройственный союз, был одним из этапов подготовки первой империалистической войны. Но вместе с тем необходимо установить объективную историческую истину. А истина заключается в том, что франко-русский союз возник как следствие, как ответ на образование тройственного союза.

Плеханов в своих взглядах на европейскую роль русского царизма исходил не из современного ему положения, а из прошлого, когда царизм выступал в качестве главного жандарма Европы, когда Александр I стоял во главе «Священного союза», а Николай I подавлял Венгерскую революцию. Он не считался с тем, что после Крымской войны царизм обессилел, а после русско-турецкой войны 1877 г. Россия начинает превращаться в зависимую страну от западно-европейского капитализма. В том же году, когда Плеханов развивал свои взгляды на Цюрихском конгрессе о роли русского царизма в Европе, Энгельс написал статью «Может ли Европа разоружиться?», в которой обрисовав хозяйственное разорение России, задолженность царизма за границей в сумме свыше 4 миллиардов марок, большую задолженность внутри страны, заключает: «Таково положение этой страны, которая будто бы грозит нам непосредственной военной опасностью, но которая на самом деле не в состоянии затеять войну даже с отчаяния» (47). И в той же статье Энгельс раскрывает подлинное содержание внешней политики Германии, политики захватов и порабощения других народов. «Бисмарк сумел создать Германии репутацию страны, жаждущей территориальных захватов; немецкий буржуазный шовинист, который вышвырнул вон австрийских немцев, но все-таки продолжает мечтать о братском объединении всей Германии «от Этча до Мемеля» и в то же время охотно присоединил бы к Германской империи Голландию, Фландрию, Швейцарию и якобы «немецкие» прибалтийские губернии

России, — этот немецкий шовинист добросовестно помогал Бисмарку, и с таким блестящим успехом, что теперь уже никто в Европе не доверяет «прямодушным немцам». Куда бы вы ни явились, везде вы встретите симпатии к Франции и недоверие к Германии, которую считают причиной нынешней военной опасности» (48).

То, что Маркс и Энгельс говорили о России первой половины XIX в., Плеханов механически переносил в своем воображении в условия конца XIX в. Мало того, он самой сущности взглядов Маркса и Энгельса не понял. Не понял того, что война против царизма должна была быть революционной войной. Такое догматическое усвоение учения Маркса—Энгельса как в данном случае, так и по другим вопросам не могло не привести виднейшего представителя марксизма в России к меньшевизму. Не случайно поэтому было поведение Плеханова в период первой империалистической войны, когда он, перейдя к противоположной крайности, выступал в защиту царской России, вместо того, чтобы бороться за свержение царизма, как это делали большевики, и призывал к войне против той же кайзеровской Германии, которую сравнивал в 90-х гг. с великим конвентом французской революции.

К работе: „Западная политика России 80-х гг. в освещении русской публицистики“

1. Ф. Э н г е л ь с — Внешняя политика русского царизма. М. и Э., соч., т. XVI, ч. II, стр. 14.
2. К. М а р к с — Гражданская война во Франции, стр. 49, изд. «Молодая Гвардия», 1938 г.
3. П. А. В а л у е в — Дневник, изд. 1919 г., стр. 269.
4. С. С к а з к и н — Конец австро-русско-германского союза. 1928 г., стр. 67.
5. «Красный Архив», № 27, 1928 г., стр. 219-20, 221—223.
6. С. С к а з к и н — назв. соч., стр. 70.
7. В. Н. Л а м з д о р ф — Дневник (1886—1890), стр. 50, изд. 1926 г.
8. «Московские Ведомости» № 21, 1879 г.
9. С. С к а з к и н — Конец австро-русско-германского союза, стр. 77, изд. 1928 г.
10. «Вестник Европы», ноябрь, 1879 г., стр. 432, 436.
11. «Вестник Европы», май, 1883 г., стр. 375, 377.
12. «Вестник Европы», ноябрь, 1879 г., стр. 136.
сентябрь 1883 г., стр. 383—384.
март, 1884 г., стр. 384,
13. «Русская мысль», янв. 1880 г. Политическое обозрение, стр. 120.
14. «Русская мысль», декабрь, 1880 г.
январь, 1880 г. Политическое обозрение.
15. «Московские ведомости», № 71, 1882 г.
16. «Московские ведомости», № 84, 1885 г.
17. «Московские ведомости», 163, 1879 г.
18. «Красный архив», т. 46, 1931 г., стр. 181.
19. С. Н. Ю ж а к о в — Англо-русская распря. Спб. 1885 г.
20. «Северный вестник», февраль, 1887 г., Политическая летопись.
21. Л е н и н — Развитие капитализма в России, соч. т. III, стр. 465 (примечание)
22. «Московские ведомости», от 29/III 1886 г.
23. «Московские ведомости», № 197, 1886 г.
24. «Московские ведомости», № 119, 1887 г.—
25. «Московские ведомости», № 187, 188, 1888 г.
26. «Московские ведомости», № 229, 1888 г.
27. «Московские ведомости», № 10, 1888 г.
28. «Московские ведомости», № 6, 1889 г.
29. «Московские ведомости», № 5, 1889 г.
30. «Московские ведомости», № 83, 1889 г.

31. «Московские ведомости», № 135, 1889 г.
 32. Т а т и щ е в С. С., — Из прошлого русской дипломатии.
Спб. 1890 г., стр. 564—566.
 33. «Русская мысль», кн. 4, «Иностранное обозрение», стр. 246.
 34. «Вестник Европы», т. 1, 1892 г.
 35. В. И. Л е н и н, По поводу так называемого вопроса о рынках. Партиздат, 1938 г., стр. 32.
 36. В. Н. Л а м з д о р ф—Дневник (1886—1890), 1926 г., стр. 36.
 37. В. Н. Л а м з д о р ф—назв. соч., стр. 44.
 38. И. С т а л и н—Политотчет XIV съезду ВКП(б) «Стенографический отчет» 1926 г., стр. 15.
 39. В. Н. Л а м з д о р ф—назв. соч., стр. 334.
 40. В. Н. Л а м з д о р ф—назв. соч., стр. 47.
 41. В. Н. Л а м з д о р ф—назв. соч., стр. 328.
 42. М. Н. П о к р о в с к и й—Империалистическая война, изд. 1934 г., стр. 33.
 43. Г. В. П л е х а н о в. Речь на Цюрихском конгрессе. Соч., т. IV, стр. 331, изд. 1923 г.
 44. К. М а р к с—«Критика Готской программы». М. и. Э. Соч., т. XV, с. 284
 45. Ф. Э н г е л ь с—Социализм в Германии
М. и. Э. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 249.
 46. Г. В. П л е х а н о в—назв. соч., стр. 330.
 47. Ф. Э н г е л ь с—Может ли Европа разоружиться?,
М. и. Э. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 354.
 48. Ф. Э н г е л ь с—Может ли Европа разоружиться?,
М. и. Э. Соч., т. XVI ч. II, стр. 359.
-